

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣателя.

XVII.

Лица прокурорскаго надзора не входятъ, по закону, въ составъ управленія мѣстами заключенія, но имѣютъ, во всякое время, безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства, наблюдаютъ за размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ, слѣдятъ за ходомъ ихъ дѣлъ, провѣряютъ законность постановленій о взятіи подъ стражу и имѣютъ право, на осн. 10 и 11 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, освобождать лицъ, содержащихся безъ постановленія уполномоченнаго на то лица или не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того прокуроры (а въ мое время и всѣ товарищи прокурора въ Петербургѣ) состоятъ директорами общества попечительнаго о тюрьмахъ, и въ этомъ качествѣ имѣютъ надзоръ за соблюденіемъ смотрителями мѣстъ заключенія порядка въ отношеніи содержанія арестантовъ и управленія мѣстами заключенія, а также заботятся объ удовлетвореніи матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей лицъ, лишенныхъ свободы.

Эта довольно широкая область дѣятельности въ мое время еще расширялась въ силу обычаевъ, сохранившихся отъ должности дореформеннаго губернскаго прокурора, основанныхъ на неотмѣненной инструкціи смотрителю, дававшей прокурору право активнаго вмѣшательства въ тюремные порядки. Но мѣстъ заключенія въ Петербургѣ сравнительно съ настоящимъ временемъ было мало. Не существовала въ своемъ современномъ видѣ тюрьма одиночная на Выборгской сторонѣ, получившая названіе „Крестовъ“, — а Домъ предва-

рительнаго заключенія еще строился особой комиссіею, которая заботилась, между прочимъ, о томъ, чтобы по внѣшности своей это зданіе „не слишкомъ походило на тюрьму“ и заказывало для этого очень дорого стоящія рамы итальянскихъ оконъ, выходящихъ на Захарьевскую,—забывая въ то же время устроить въ воздвигаемомъ громадномъ зданіи квасоварню и прачешную... Между директорами тюремнаго комитета были люди, горячо отдавшіеся своей дѣятельности и приносившіе большую пользу своимъ зоркимъ и постояннымъ надзоромъ въ предотвращеніе отступленія отъ законнаго порядка и разныхъ произвольныхъ дѣйствій смотрителей, составъ которыхъ, за исключеніемъ женскаго персонала, бывалъ очень неудаченъ и неудовлетворителенъ. Такими выдающимися директорами, много потрудившимися для упорядоченія тюремнаго дѣла въ Петербургѣ и по устройству различныхъ благотворительно-воспитательныхъ заведеній для арестованныхъ и ихъ дѣтей, были—А. П. Пятковскій и въ особенности В. Н. Никитинъ. Первый—поклонникъ глубокаго гуманиста князя В. Ѳ. Одоевскаго, либераль шестиدهсятыхъ годовъ и издатель сборника „Гражданскихъ мотивовъ“—тогда еще не обратился въ редактора убогаго „Наблюдателя“, преисполненнаго безсильнаго злобствованія на то, чему Пятковскій усердно служилъ въ годы своей молодости. Второй—оставилъ цѣнныя бытовые очерки „Жизнь заключенныхъ“ и богатое по собраннымъ историческимъ матеріаламъ изслѣдованіе „Тюрьма и ссылка“. Тюремный комитетъ былъ, однако, составленъ, особливо въ началѣ семидесятыхъ годовъ, довольно неудачно. Въ него вошло нѣсколько пустыхъ крикуновъ, не понимавшихъ дѣла, и имъ не занимавшихся, но стремившихся, присосавшись къ оффиціальному учрежденію, выболтать себѣ разныя отличія. Эти „акробаты благотворительности“ плотною стѣною окружали предсѣдателя комитета, глуховатаго и упрямаго артиллерійскаго генерала, относившагося къ живому дѣлу съ канцелярской неподвижностью. Заявленія и указанія Пятковскаго и Никитина, почему-то пугавшія предсѣдателя, заглушались голосами „акробатовъ“ и оставлялись безъ вниманія большинствомъ комитета, а на письменныя сообщенія прокурора слѣдовалъ или уклончивый отвѣтъ или увѣдомленіе о „принятіи къ свѣдѣнію“. По переходѣ въ Петербургъ изъ Казани, я узналъ, что мои предшественники махнули рукой на комитетъ, въ виду его состава и направленія, и туда не ѣздили.

Поѣхавъ въ ближайшее засѣданіе, чтобы лично убѣдиться въ установившихся тамъ порядкахъ, я былъ встрѣченъ съ явнымъ недружелюбіемъ, какъ нежеланный гость, и когда попытался поддержать одно изъ заявленій Никитина о нарушеніи правилъ о продо-

вольствіи, допускаемыхъ въ Литовскомъ замкѣ, то меня просто не стали слушать... На просьбу мою поставить на баллотировку вопросъ, возбуждаемый мною, председатель ничего не отвѣтилъ, а на повторенное требованіе отвѣтилъ съ раздраженіемъ: „какой вопросъ? какъ поставить?“ и т. д. и когда, наконецъ, послѣ долгихъ моихъ настояній и протестовъ противъ этого большинства—онъ былъ поставленъ, то, какъ говорятъ нѣмцы: *man hat kurzen Prozess gemacht*—и я былъ торжественно „проваленъ“ открытой подачею мнѣній, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы мнѣ и „впредь было неповадно“... Но я рѣшилъ не уступать—и дождавшись конца засѣданія, заявилъ председателю, что всѣ мои товарищи прокурора вмѣстѣ съ тѣмъ и директора тюремнаго комитета (а у меня ихъ было 21), и что если въ слѣдующемъ засѣданіи я не встрѣчу бѣльшаго вниманія къ заявленіямъ представителя прокурорскаго надзора столицы, то я предложу всѣмъ, подчиненнымъ мнѣ по должности товарищамъ-директорамъ являться въ засѣданія и буду имѣть въ своемъ распоряженіи подавляющее большинство. Эти слова имѣли довольно неожиданный успѣхъ и когда, вмѣсто меня, занятаго другимъ дѣломъ, къ слѣдующему засѣданію въ комитетъ прибылъ товарищъ прокурора В. И. Жуковскій, то председатель отнесся къ нему весьма предупредительно. Затѣмъ Жуковскій уже обыкновенно ѣздилъ въ комитетъ, такъ какъ завѣдывалъ, по моему порученію, надзоромъ за тюремною частью, чередуясь съ В. А. Желеховскимъ, и въ немъ Пятковскій и Никитинъ пріобрѣли надежнаго союзника.

Если мужской тюремный комитетъ оставлялъ желать многого то нельзя сказать того же про дамскій. Во главѣ его стояла просвѣщенная дѣятельница, серьезно относившаяся къ принятому на себя званію и сопряженнымъ съ нимъ обязанностямъ—принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. Вокругъ нея группировались лица, горячо преданныя дѣлу и вносящія въ него ту сердечную заботливость, отсутствіе которой такъ чувствовалось въ рутинномъ дѣлопроизводствѣ мужского комитета. Изъ сношеній своихъ съ директриссами, завѣдывавшими отдѣльными отраслями тюремно-благотворительнаго дѣла и постоянно возбуждавшими различные вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онѣ близко принимаютъ къ сердцу не только матеріальныя нужды арестантокъ, но и необходимость поднятія ихъ нравственно, я вынесъ искреннее уваженіе къ большинству изъ нихъ.

Горячо, съ любовью и безкорыстіемъ работали онѣ въ той *citta dolente*, которую представляла тогдашняя тюрьма, со своимъ скуднымъ бюджетомъ и коренными недостатками въ обветшаломъ устройствѣ. Я съ умысломъ упоминаю о безкорыстіи, разумѣя

подъ нимъ отсутствіе всякаго рода личныхъ видовъ или честолюбивыхъ поползновеній, отъ чего далеко не всѣ директора мужского комитета были свободны. Почти всѣ директриссы были женами людей, занимавшихъ выдающееся служебное положеніе—и среди нихъ я не помню ни одной, которая несла бы свои, подчасъ весьма тяжелыя, добровольно принятыя обязанности съ прозрачною цѣлью обратить на себя чье-либо вліятельное вниманіе или втереться въ недоступный для нея иначе общественный кругъ. Оглядываясь назадъ, я склоняюсь предъ симпатичными образами Тимашевой, завѣдывавшей женскими арестантскими помѣщеніями при полицейскихъ частяхъ, и Зубовой и Габервангъ, работавшихъ въ Литовскомъ замкѣ,—но въ особености мнѣ памятна свѣтлая дѣятельность Е. А. Гернгроссъ и княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Онѣ не завѣдывали никакой опредѣленной отраслю тюремнаго дѣла въ Петербургѣ, но если справедливо мнѣніе, что высокое назначеніе женщины въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать, то это назначеніе на моихъ глазахъ онѣ обѣ выполняли всецѣло и беззавѣтно. Блестящая свѣтская женщина, одна изъ тѣхъ, которымъ въ старину присвоивалось названіе „львицы“—Е. А. Гернгроссъ потеряла нѣжно любимаго шестнадцатилѣтняго сына, скончавшагося отъ *miserege* (заворота кишекъ). Говорили, что когда смерть юноши была по опредѣленію врачей неизбежна, но не наступала лишь потому, что онъ не прошелъ еще всю стадію невыносимыхъ не только для него, но и для близкихъ страданій, она сама сократила ихъ, давъ ему успокоительное... *навсегда* лекарство. Насколько это вѣрно, извѣстно было лишь ей и Господу, но что смерть сына заставила её пережить тяжкія душевныя муки—это несомнѣнно. Постарѣвшая сразу на много лѣтъ, она оставила навсегда свѣтъ и его суетныя радости, облекшись въ черное, и замкнувшись въ тѣсномъ кругу оставшихся членовъ семьи и немногихъ друзей. Но она не погрузилась въ „нѣмое бездѣйствіе печали“, а, переставъ во многихъ отношеніяхъ жить личной жизнью, стала жить для другихъ. Въ тюремномъ дѣлѣ она приняла на себя роль ходатая и заступницы за арестованныхъ, выхлопотавъ разрѣшеніе посѣщать и мѣста заключенія для мужчинъ. Благодаря ей многіе изъ нихъ имѣли живыя вѣсти очевидицы о своихъ семьяхъ и о близкихъ сердцу людяхъ или получали выпрошенную ею у начальства возможность видѣться съ послѣдними не чрезъ рѣшетку и не въ теченіе скупо отмѣреннаго времени. Изъ большой пачки ея писемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору, постоянно слышится неустанная просьба содѣйствовать ей въ ея домогательствахъ о смягченіи тяжести разныхъ нравственныхъ

осложненій, нерѣдко связанныхъ съ лишеніемъ свободы, часто напрасныхъ, а иногда и вовсе ненужныхъ.

Нужно ли говорить о княжнѣ Дондуковой-Корсаковой, посвятившей всю жизнь свою, уже совершенно нераздѣльно, съ полнымъ забвеніемъ о себѣ, съ дѣтской вѣрой въ добро и наивнымъ довѣріемъ ко всѣмъ людямъ вообще—заботѣ о „несчастныхъ“, утѣшенію ихъ горячимъ, убѣжденнымъ словомъ и облегченію ихъ неустрашимымъ ни предъ какими трудностями дѣломъ? Искренняя скорбь, вызванная недавнею кончиною этой, по-истинѣ святой, женщины, служить лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ она была неизмѣнно на протяженіи почти пятидесяти лѣтъ. Неумолимая, несмотря на лѣта и тяжкіе недуги, съ суровымъ, мужественнымъ лицомъ и кроткими глазами подъ прядями сѣдыхъ волосъ, оригинальная въ походкѣ и костюмѣ, „скучная“ по мнѣнію однихъ, „странная“ по мнѣнію другихъ, лично скромная до крайнихъ предѣловъ и въ то же время гордо увѣренная въ правотѣ своей дѣятельности—она заслуживаетъ подробной біографіи, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ докторъ Гаазъ... Достаточно указать на то, что въ послѣдніе годы своей жизни, княжна Дондукова-Корсакова, зная цѣну и вліяніе на заключенныхъ слова участія и дѣла живого утѣшенія, рѣшилась посвятить остатокъ своихъ дней заботѣ о содержавшихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Ей было поставлено условіемъ безотлучное пребываніе на жительствѣ въ крѣпости до самой смерти. Она съ радостью, безъ малѣйшихъ колебаній, несмотря на уговоры любившихъ ее и чтившихъ, принялась за осуществленіе своего намѣренія и лишь упраздненіе Шлиссельбургской тюрьмы помѣшало этому подвигу послѣднихъ дней этой носительницы „дѣятельной любви“ въ сердцѣ своемъ.

По неоднократному опыту зная, какъ иногда успокаиваетъ и примиряетъ „нарушителя закона“ съ создавшимся для него положеніемъ слово утѣшенія „по человѣчеству“, я высоко цѣнилъ дѣятельность Гернгроссъ и княжны Дондуковой — и нерѣдко заступался за нихъ предъ высшимъ тюремнымъ начальствомъ, которое раздражалось на ихъ „вмѣшательство“. Онѣ ослабляли тотъ недугъ озлобленія, который всегда гнѣздится въ мѣстахъ заключенія и овладѣваетъ людьми иногда при одной перспективѣ лишенія свободы. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ невольно вспоминается свиданіе съ присужденной въ 1875 году къ трехмѣсячному содержанію въ тюрьмѣ укрывательницей похищаемыхъ ея возлюбленнымъ купоновъ одного изъ большихъ кредитныхъ учрежденій, подлежавшихъ погашенію и предъявляемыхъ имъ по частямъ къ уплатѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ. Дня черезъ два послѣ того, какъ мой камерный товарищъ обратилъ приговоръ суда къ исполненію чрезъ полицію, ко мнѣ въ служебный кабинетъ

влетѣла раскраснѣвшаяся дама среднихъ лѣтъ, въ модномъ, но небрежномъ костюмѣ, и сильно жестикулируя начала кричать, что *это* невозможно, что *этого* никогда не будетъ, такъ какъ она живая не дастся... На мои спокойные вопросы—кто она и что ей нужно?—она объяснила, что полиція требуетъ ея явки для препровожденія въ тюрьму и отобрала отъ нея въ этомъ подписку—и все это дѣлается по моему приказу, но что она ни за что не подчинится этому *душегубству*. Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и спросилъ: „это я—душегубъ?“ — Да, вы! возопила она и стала горько плакать, судорожно всхлипывая. Я объяснилъ ей съ возможною мягкостью, что прокуроръ приводитъ въ исполненіе приговоръ суда и является лишь передаточной инстанціей. „Но помилуйте,—говорила она прерывающимся отъ слезъ голосомъ, вѣдь онъ мнѣ не чужой, какъ же я могла отказать спрятать, когда онъ просилъ?! вѣдь я невиновата, за что же меня сажать?—Это все, вѣроятно, вашъ защитникъ объяснилъ присяжнымъ, а теперь надо подчиниться ихъ рѣшенію“...—Да не могу я, не могу,—понимаете ли, не могу! Вѣдь у меня хорошіе знакомые есть,—даже генеральша одна, — какъ же я имъ на глаза покажусь послѣ тюрьмы?!—Если ваша генеральша добрая женщина и васъ любитъ, то не отвернется, зная ваши отношенія къ тому, кто васъ посадилъ, втянувъ въ свое преступленіе, на скамью подсудимыхъ, — а если отвернется, то не стоитъ объ этомъ и жалѣть,—да и у всѣхъ, кто захочетъ васъ осуждать, матеріаломъ для этого будетъ не то, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, а то, что васъ привело въ тюрьму.—Да! это такъ, доврчиво взглянувъ на меня опухшими отъ слезъ глазами, сказала она, вы повѣрите ли—она еще когда только слѣдствіе началось начала мнѣ спину показывать...—Ну, вотъ видите!—подчинитесь скорѣй приговору и чрезъ годъ-другой все забудется. Я обращаю на васъ вниманіе двухъ дамъ—онѣ тоже—одна генеральша, а другая княжна—и онѣ спины вамъ показывать не будутъ, а пожалѣютъ васъ и о немъ вамъ расскажутъ, что съ нимъ, и какъ...— „Не могу я, голубчикъ прокуроръ, — воскликнула она неожиданно, положивъ мнѣ руку на плечо,—право, не могу! голубчикъ!—А вы попробуйте, сядьте, это не такъ уже ужасно, да и неизбежно при томъ,—сказалъ я, въ свою очередь кладя ей ласково руку на плечо, — рѣшитесь-ка, знаете какъ принимаютъ неприятное лекарство,—горько, противно, а выпить все-таки надо... сядьте, голубушка! — Такъ вы думаете, надо сѣсть? — сказала она упавшимъ голосомъ, вытирая слезы — и потомъ рѣшительно прибавила — ну хорошо! только для васъ!—Для душегуба? — Да, для васъ...“ улыбнулась она и вышла, съ очевидной увѣренностью, что сдѣлала мнѣ большое одолженіе...

Моя прикосновенность къ петербургскимъ мѣстамъ заключенія памятна мнѣ еще по нѣсколькимъ эпизодамъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ министръ юстиціи, графъ Паленъ, поручилъ мнѣ, согласно волѣ покойнаго Государя, ознакомить съ устройствомъ и настоящимъ состояніемъ тюремныхъ помѣщеній столицы Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ то время стройнаго, нѣсколько застѣнчиваго юношу лѣтъ восемнадцати. Предпославъ обзору продолжительную и подробную бесѣду объ общихъ задачахъ тюремовѣдѣнія, о системахъ тюремнаго заключенія и о типахъ тюремъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, я условился съ Великимъ Княземъ о дняхъ, когда онъ будетъ заѣзжать за мною, чтобы ѣхать на осмотръ, о которомъ я рѣшилъ никого не предупреждать. Мы выѣзжали отъ меня обыкновенно часовъ въ 10 утра и успѣли въ теченіе недѣли осмотрѣть всѣ разнообразныя тюремныя помѣщенія Петербурга, за исключеніемъ военной и военно-морской тюремъ. Оставивъ экипажъ гдѣ-нибудь за ближайшимъ угломъ, мы шли пѣшкомъ, и Великій Князь являлся въ эти помѣщенія какъ частный человекъ. Какъ нарочно, я посѣтилъ многія петербургскія тюрьмы незадолго предъ этимъ съ Достоевскимъ, а потомъ съ членами японскаго посольства, между которыми находился тогда, въ скромномъ еще званіи, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ Токузиро-Нисси. Поэтому мой приходъ въ сопровожденіи молодого офицера не возбуждалъ никакихъ вопросовъ. Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, моего спутника узнали. Это было въ Литовскомъ замкѣ, внутри двора котораго, противъ воротъ, была гауптвахта, и находился военный караулъ. Дежурный часовой призналъ Великаго Князя, ударилъ въ колоколъ, вся команда выбѣжала и выстроилась, и офицеръ, приложивъ руку къ чешуѣ каски, сталъ рапортовать Сергѣю Александровичу. Вся эта церемонія, а затѣмъ уже неизбежное представленіе тюремнаго персонала Великому Князю заняли минутъ десять или четверть часа, и, когда мы пошли по корридорамъ тюремнаго замка, предшествуемые на нѣкоторомъ разстояніи озабоченной суетой, то все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, который увеличивался пропорціонально времени, проводимому нами въ зданіи насильственнаго гостепріимства. Въ отдаленныхъ камерахъ арестанты оказались въ новыхъ халатахъ, и пахло уксусомъ, налитымъ на горячія плитки. А когда я въ кухнѣ потребовалъ „пробу“, то она оказалась по вкусу и приготовленію несомнѣнно принесенною изъ бракоразводнаго трактира „Роза“, помѣщавшагося наискосокъ противъ замка и дававшего въ своихъ номерахъ пріютъ мужьямъ, продѣлывавшимъ недостойную и грязную комедію, необходимую для полученія развода. Мы посѣтили бібліотеку, въ которой я въ 1871 году, по переводѣ моемъ изъ Казани,

нашелъ, между прочимъ, такую полезную и успокоительную для заключенныхъ книгу, какъ „Исторія знаменитыхъ побѣговъ изъ тюремъ“ (Les évasions célèbres, par—Bernard), изданную въ русскомъ переводѣ. Зашли мы и въ лазаретъ, гдѣ за годъ предъ тѣмъ я былъ свидѣтелемъ комической сцены. Одинъ врачъ, фамиліи котораго не помню, изобрѣтатель новаго способа переливанія человѣческой крови, просилъ разрѣшенія произвести такой опытъ надъ двумя арестантами, выразившими на то свое согласіе. Для присутствованія при этомъ опытѣ пріѣхали военный министръ Д. А. Милютинъ со своимъ высокимъ и стройнымъ адъютантомъ, въ красивой бѣлой фуражкѣ, присвоенной гвардейской тяжелой кавалеріи,—французскій военный агентъ Гальяръ и другія лица. Пациенты лежали на двухъ поставленныхъ рядомъ постеляхъ, между которыми былъ зачѣмъ-то помѣщенъ огромный тазъ съ водою. Докторъ просилъ присутствующихъ не говорить громко и не развлекать пациентовъ, предупредивъ, что всякій испугъ послѣднихъ можетъ повлечь за собою гибельныя для послѣднихъ послѣдствія. Затѣмъ онъ вскрылъ у обоихъ вены на рукахъ и вставилъ въ нихъ трубочки, соединенныя гуттаперчевымъ каналомъ съ краномъ и съ какими-то сложными приспособленіями. И мы всѣ, при воцарившемся глубокомъ молчаніи, увидѣли, какъ кровь здороваго краснощекаго парня, рѣшившагося подвергнуться опыту, стала явственно вздывать сосуды малокровнаго и истощеннаго арестанта, и какъ мало-по-малу оживился его взглядъ, а щеки стали покрываться легкимъ румянцемъ. Но вдругъ раздался трескъ, что-то задрезжало, зазвенѣло и тяжело рухнуло среди насъ. Пациенты вздрогнули и встревожились, а докторъ испуганнымъ и быстрымъ движеніемъ закрылъ кранъ и какіе-то клапаны. Опытъ не былъ доведенъ до конца. Оказалось, что спутникъ военнаго министра, изящный ротмистръ, не могъ перенести зрѣлища переливаемой крови и упалъ въ обморокъ на полъ, разбивъ при паденіи какіе-то кувшины, а бѣлая его фуражка плавно и медленно поплыла въ обширномъ тазу...

Въ другихъ мѣстахъ Великаго Князя не узнавали. Я могъ ему показать наши тюремныя помѣщенія во всей ихъ неприглядной дѣйствительности. Когда мы подошли къ зданію Коломенской части, гдѣ находилось тюремное помѣщеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ на краткіе сроки и не нашедшихъ поэтому себѣ мѣста въ земледѣльческой колоніи за Охтой, то ни пристава, ни смотрителя не оказалось въ зданіи. Пришлось ихъ поджидать на крыльцѣ. Мимо насъ два городовыхъ провели мертвецки-пьянаго мужика и скрылись внутри двора. Я предложилъ Великому Князю пойти за ними, чтобы увидѣть, какъ у насъ иногда

обращаются съ пьяными, и что такое представляют камеры для вытрезвленія. Отворивъ на дворѣ дверь въ отвратительную и вонючую комнату нижняго этажа, мы застали пьянаго лежащимъ на спинѣ и бессмысленно мычащимъ, а надъ нимъ наклонившимся одного изъ городскихъ, который неустово теръ и дергалъ ему уши, что составляло, будто-бы, испытанное средство противъ безчувственнаго опьяненія. Другой городской съ философскимъ спокойствіемъ стоялъ у низенькаго окна, заявивъ мнѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ офицера: „А вамъ, господинъ, здѣсь быть не полагается“. Вскорѣ явился приставъ, энергическій маіоръ. Онъ повелъ насъ въ камеры арестантовъ и въ школу, гдѣ былъ въ это время опытный и горячо преданный своему дѣлу учитель Песковскій. Соблюдая инкогнито Великаго Князя, я все время бесѣдовалъ съ приставомъ, предоставивъ Князю разговаривать съ Песковскимъ, при чемъ на нѣкоторые его вопросы, приставъ, чувствуя себя старшимъ въ чинѣ, отвѣчалъ довольно небрежно и свысока. Когда мы стали спускаться внизъ по довольно крутой лѣстницѣ, онъ сказалъ мнѣ, „господинъ прокуроръ, этотъ офицеръ, который съ вами,—и онъ кивнулъ головой на шедшаго сзади Великаго Князя,—желаетъ посмотрѣть мастерскія внизу: прикажете показать? — Да, господинъ приставъ, покажите, сказалъ я,—и знаете ли что: будьте немножко полюбезнѣй съ этимъ офицеромъ; онъ, конечно, чиномъ ниже васъ, но я сообщу вамъ по секрету, что это сынъ Государя Императора“. Мой бѣдный маіоръ чуть не свалился кубаремъ съ лѣстницы.

Мы были въ домѣ предварительнаго заключенія, тогда только что открытомъ, — посѣтили, въ день отправленія этапной партіи, пересыльную тюрьму, въ старомъ прогнившемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ, и присутствовали при тяжелыхъ сценахъ разставанія близкихъ съ уходящими, какъ говорилось въ тѣ годы „по Владиміркѣ“. Когда этапная партія выстроилась, я пересмотрѣлъ статейные списки и показалъ ихъ Сергѣю Александровичу. Въ одной и той же партіи были убійцы, разбойники и фальшивые монетчики, а также высылаемые на родину за безписьменность. По разспросу нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказалось, что причиной невысылки паспорта двумъ или тремъ, бывшимъ въ Петербургѣ при честномъ заработкѣ, было отсутствіе взятки, посланной волостному писарю. „Вотъ посмотрите,—сказалъ я Великому Князю,—что такое наша паспортная система. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Сольскаго засѣдала комиссія, выслушавшая заявленія представителей градоначальства, министерства финансовъ и прокуратуры, а также начальниковъ адреснаго стола и сыскной полиціи о ненужности ни съ какой точки зрѣнія паспор-

товъ, объ ихъ вредной стѣснительности и дурномъ вліяніи на развитіе экономической жизни. Она проектировала уничтоженіе паспортовъ, но началась „междувѣдомственная переписка“, и весь вопросъ отложенъ въ долгій ящикъ. (увы! къ сожалѣнію, онъ и теперь; по прошествіи 40 лѣтъ послѣ окончанія трудовъ комиссіи—продолжаетъ лежать въ томъ же ящикѣ...). Взгляните, Ваше Высочество, на этихъ высылаемыхъ. Вѣдь это по всей вѣроятности вполнѣ честные люди,—во всякомъ случаѣ они производятъ такое впечатлѣніе,—и вотъ, вслѣдствіе невольнаго, быть можетъ, нарушенія „паспортной системы“, дающей столько поводовъ для разныхъ злоупотребленій, они обречены многіе дни провести въ компаніи настоящихъ злодѣевъ или порочныхъ людей и притти къ себѣ домой, разоренными, оторванными отъ честнаго труда и напуганными ядомъ насильственнаго и безнравственнаго сообщества“. При насъ партія двинулась въ путь на желѣзную дорогу, звеня цѣпами, сопровождаемая плачущими женщинами съ бѣдными дѣтьми на рукахъ—сѣрая движущаяся масса, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, торопливо влача свое несчастіе и позоръ среди сѣрыхъ домовъ столицы...

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи нашихъ поѣздокъ, министръ юстиціи озабоченно спросилъ меня, что именно я показывалъ моему высокому спутнику. Я рассказалъ. Оказалось, что нѣкоторыми высокопоставленными лицами придворнаго круга, освѣдомившимися у Сергѣя Александровича о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на него многими изъ видѣннаго, было выражено мнѣніе, что я поступилъ неправильно, упустивъ изъ виду, что надо щадить нервы Великаго Князя и не подвергать испытанію его молодую воспримчивость. Я могъ только подивиться на такую ретроспективную программу моихъ дѣйствій въ качествѣ руководителя въ ознакомленіи съ тюрьмами въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Для полученія же пріятныхъ ощущеній при взглядѣ на эти учрежденія, я, шутя, предложилъ бы недовольнымъ мною обратиться въ дирекцію Императорскихъ театровъ, которая поставила бы послѣдній актъ оперы „Фаустъ“. Тамъ пребываніе несчастной Гретхенъ въ тюрьмѣ имѣетъ вокально-инструментальный характеръ и, въ концѣ концовъ, особливо послѣ апофеоза, тяжелаго впечатлѣнія оставить не можетъ... Черезъ много лѣтъ, въ 1898 году, въ Москвѣ, Великій Князь, котораго я просилъ какъ Московскаго генераль-губернатора, содѣйствовать осуществленію мысли о постановкѣ памятника великому тюремному человѣколюбцу, „святому доктору“ Федору Петровичу Гаазу, вспомнилъ нашъ объѣздъ петербургскихъ мѣстъ заключенія и сказалъ мнѣ: „я много видѣлъ тяжелыхъ картинъ на своемъ вѣку, но ничто не производило на меня такого подавляющаго дѣйствія, какъ то, что

вы мнѣ показали тогда,—этого нельзя забыть!“—„Я радъ это слышать,—значитъ моя цѣль представить дѣйствительность, а не официальную декорацію—была достигнута...“—„О да! и еще какъ!..“

Весьма важнымъ вопросомъ въ дѣятельности прокурорскаго надзора перваго десятилѣтія осуществленія судебной реформы, были взаимныя отношенія прокуратуры и высшей мѣстной администраціи. Судебныя установленія вошли клиномъ въ устарѣлый строй прежнихъ губернскихъ учрежденій, окаменѣлыхъ въ томъ положеніи, которое было начертано еще при Екатеринѣ II. Это былъ въ своемъ родѣ—употребляя выраженіе римскаго права—*insula in flumine nata*, при чемъ эта рѣка, этотъ *flumen*, стѣсненная въ своемъ теченіи образовавшимся островомъ и не измѣнившимися берегами, часто прекращала свое спокойное и лѣнивое теченіе и негодующе бурлила, стараясь, гдѣ возможно, затопить заставляющій ее оставаться привычное ложе островъ. Такому положенію вещей способствовала обычная несогласованность нашихъ законовъ, дававшая возможность на многія вещи въ явленіяхъ общественной жизни и на отношенія глядѣть съ совершенно противоположныхъ и въ то же время одинаково законныхъ съ формальной стороны точекъ зрѣнія. Отсюда обширное поле для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній. Въ особенности это обнаружилось на первыхъ порахъ введенія судебной реформы въ губернскихъ городахъ. Губернаторъ, въ большинствѣ случаевъ, привыкалъ смотрѣть на себя не только какъ на высшаго представителя мѣстной административной власти, но и какъ на хозяина губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, предъ которымъ подобострастно склонялось мѣстное общество, за исключеніемъ—да и то не всегда—губернскаго предводителя дворянства и архіерея. Онъ нерѣдко приходилъ въ гнѣвное недоумѣніе, когда подъ бокомъ у него выростала власть, мѣстные носители которой ни въ чемъ отъ него не зависѣли, и отъ которыхъ онъ могъ требовать и ожидать не повиновенія, а лишь вѣжливости и *внѣшняго* уваженія, такъ какъ *внутреннее* надо было еще заслужить. Были, конечно, и тутъ счастливыя исключенія, и мнѣ отрадно вспомнить здѣсь о ярославскомъ губернаторѣ адмиралѣ Унковскомъ, который словомъ и дѣломъ доказалъ свою преданность судебной реформѣ и, понимая ея значеніе, являлся прямодушнымъ ея защитникомъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Монарху. Не такъ поступало однако большинство сотоварищей почтеннаго адмирала по служебному положенію. Они не скупились на письменныя сообщенія въ Петербургъ о колебаніи авторитета власти со стороны чиновъ судебного вѣдомства, а въ личныхъ бесѣдахъ, ведомыхъ въ столицѣ, много-

значительно подчеркивали каждую шероховатость, столь свойственную новому дѣлу, возводя какую-либо личную неловкость по отношенію къ себѣ изъ области анекдота въ область вопіющаго событія или наоборотъ облакая свое собственное служебное самодурство въ форму невиннаго и только забавнаго анекдота. Положеніе министерства юстиціи при этомъ было довольно затруднительнымъ. Люди, пользовавшіеся благами новаго суда, не имѣли поводовъ и возможности выразить, чѣмъ они ему обязаны, но голоса недовольныхъ очень быстро создали вокругъ судебнаго вѣдомства атмосферу скрытаго недоброжелательства и подозрительной недовѣрчивости. Между „потерпѣвшими отъ новаго суда“ однихъ возмущала испытанная на себѣ гласность производства,—другимъ трудно было переварить равноправность на дѣлѣ, а не на словахъ—только, третьихъ раздражало то, что „судейскіе“, еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей, допускавшіе брезгливо-фамиллярное съ собою обращеніе—стали „что-то такое о себѣ воображать“ и все подводить подъ несносное иго „ихнихъ законовъ“ в т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо большее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ—была громадная разница въ нравственной тяжести и что составленіе „исходящихъ“ по приказанію начальника не могло идти въ сравненіе съ необходимыми сомнѣніями при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Отсюда настойчивое исканіе случаевъ, когда можно было въ печати или въ докладахъ по начальству высказать огорченіе и негодсваніе на судебное вѣдомство, отсюда та бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались малѣйшіе промахи и неизбежныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Все это, вмѣстѣ взятое, въ концѣ семидесятыхъ годовъ нашло себѣ неожиданнаго, хотя и по другимъ мотивамъ, союзника въ Катковѣ съ его страстнымъ походомъ противъ „судебной республики“.

Понятно, что министерство юстиціи старалось, чѣмъ могло, ослабить почти съ первыхъ же дней судебной реформы враждебный натискъ и жить въ мирѣ съ администраціей, насколько это было совмѣстимо съ задачами и достоинствомъ судебнаго вѣдомства, ко-

торыя во время, мною воспоминаемое, понимались широко и согласно съ ихъ истиннымъ смысломъ. По характеру своей дѣятельности въ наибольшее дѣловое соприкосновеніе съ администраціей приходилъ прокурорскій надзоръ. По Судебнымъ Уставамъ прокурору по производству дознаній была подчинена полиція. Надзирая за нею при производствѣ слѣдствій и дознаній, онъ имѣлъ право подвергать ея чиновъ предостереженіямъ и замѣчаніямъ и могъ передавать ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда; онъ предлагалъ губернскому правленію и полиціи объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ; онъ имѣлъ право давать и не давать ходъ жалобамъ полиціи на приговоры мировыхъ судей; онъ облеченъ былъ особыми правами по дѣламъ казенныхъ управленій и по ряду дѣлъ, сопряженныхъ такъ или иначе съ прямой или косвенной дѣятельностью полиціи. Наконецъ, прокуроръ имѣлъ непосредственное отношеніе къ порядку, условіямъ и основаніямъ содержанія арестантовъ въ губернскихъ и полицейскихъ мѣстахъ заключенія. Все это содержало въ себѣ достаточно поводовъ для взаимнаго раздраженія служебнаго самолюбія и для разнаго рода столкновеній на почвѣ застарѣлой рутинны, неисполненія долга, небрежности или опьянѣнія виномъ власти, бросившимся въ голову.

Судебная реформа въ Казанскомъ округѣ застала меня въ должности самарскаго губернскаго прокурора. Когда на предложеніе министра юстиціи графа Палена занять должность прокурора самарскаго окружного суда, я высказалъ желаніе быть назначеннымъ не въ Самару, а въ Казань, то графъ К. И. Паленъ, выражая свое на это согласіе, сказалъ мнѣ однако: „но вы знаете, вѣдь тамъ губернаторомъ Скарятинъ: ему новый судъ будетъ поперекъ горла, и вамъ съ нимъ будетъ очень трудно“. То же самое, но только въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ мнѣ повторили разныя лица, освѣдомленные о казанскихъ дѣлахъ. По дорогѣ къ моему новому мѣсту служенія, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, я наслушался почти легендарныхъ рассказовъ о личности и дѣйствіяхъ казанскаго губернатора, который оказывался не только всевластнымъ распорядителемъ въ своей губерніи, но даже и нѣкоторой грозой для сосѣднихъ губернаторовъ, съ которыми никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ признать себя солидарнымъ и надъ административными мѣропріятіями которыхъ на словахъ и на дѣлѣ всячески издѣвался. Когда я пріѣхалъ къ нему съ официальнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ высокій, нѣсколько сутуловатый, пожилой человекъ съ сѣдою, коротко остриженной головою, большими темными усами и молодыми горящими глазами подъ густыми бровями на энергическомъ и умномъ лицѣ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, вызы-

ваемыхъ первымъ знакомствомъ, онъ сказалъ мнѣ съ недоброю улыбкой, что очень жалѣеть, что наше знакомство будетъ такъ непродолжительно. „Почему непродолжительно? спросилъ я.—Да помилуйте! внезапно покраснѣвъ, воскликнулъ онъ. Развѣ я могу оставаться на службѣ при новыхъ судахъ? Когда я пріѣхалъ сюда много лѣтъ назадъ губернаторомъ, мнѣ на другой день нѣмецъ—полиціймейстеръ докладываетъ, что все въ городѣ благополучно, всего три *тѣль* найдено. Какія *три тѣль*? спрашиваю.—А убитыхъ, отвѣчаетъ нѣмецъ.—Какъ? говорю, три убитыхъ и это благополучно?—Да, говоритъ тотъ преспокойно—обыкновенно бываетъ больше.—Въ одинъ день?!—Да, въ одинъ день“... Вотъ, что я засталъ въ Казани! Я перемѣнилъ всю полицію, всѣхъ училъ самъ, ѣздилъ по ночамъ повѣрять посты и „натаскалъ“ своихъ такъ, что у меня первая полиція въ Россіи. Они знаютъ, что я цѣню ихъ службу, но ужъ и спуску не дамъ. Я для нихъ какъ отецъ, но отецъ строгій. И вотъ теперь новые суды, и, говорятъ, прокуроръ имѣетъ право дѣлать предостереженіе моимъ чиновникамъ и даже въ судъ ихъ тащить. Значитъ, у нихъ два начальства? и я для господина прокурора трудился? Да они меня въ грошъ ставить не будутъ! какой же я послѣ этого начальникъ губерніи? Да при такомъ порядкѣ я не могу отвѣчать за спокойствіе края. Нѣтъ, ужъ лучше въ отставку! Пусть кто-нибудь другой приспособляется къ этимъ порядкамъ, а я ужъ старъ. Покорнѣйше благодарю!—говорилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь и энергически хлопая рукою по ручкѣ кресла.—Я молчалъ. „Вы вѣдь имѣете право давать предостереженія?“ спросилъ онъ меня, немного успокоясь, тономъ, въ которомъ звучала слабая надежда, что, быть можетъ, я его разувѣрю въ существованіи такого ужаснаго права.—Имѣю, сказалъ я.—„И будете давать?“—Буду, если къ этому представится надобность.—„Ну вотъ видите!—снова загорѣлся онъ,—какъ же намъ, мнѣ—старику и вамъ—извините меня—молодому человѣку, дѣлать власть надъ полиціей? Ужъ вы и оставайтесь, а я-съ уйду, не могу!“ И по лицу его пробѣжала легкая судорога, а глаза затуманились.—Разъ я назначенъ, я останусь, сказалъ я ему твердо,—да и вамъ, ваше превосходительство, нѣтъ никакого основанія уходить. Сколько мнѣ извѣстно, никто не отрицаетъ образцоваго состоянія вашей полиціи и той строгости, съ которой вы относитесь къ исполненію ею своихъ обязанностей. Къ этимъ обязанностямъ относится и исполненіе требованій судебной власти по дознаніямъ и слѣдствіямъ. Несомнѣнно, что вы пожелаете, чтобы разумная исполнительность полиціи проявлялась въ ея дѣятельности и въ этомъ отношеніи. Я настолько увѣренъ въ этомъ, что въ случаѣ нарушеній чинами полиціи своихъ обязанностей, буду прежде

всего сообщать объ этомъ вамъ, прося лишь увѣдомить меня о послѣдствіяхъ моего сообщенія. Вотъ если мои справедливыя обращенія къ вамъ не найдутъ себѣ удовлетворенія, и чины полиціи такимъ образомъ станутъ вмѣнять ни во что требованія судебныхъ властей, то я, конечно, буду вынужденъ прибѣгнуть къ осуществленію тѣхъ правъ, которыми меня вооружилъ законъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ вами будутъ приняты мѣры, которыя, не колебля ни въ чемъ вашего авторитета, приучатъ чиновъ полиціи къ искреннему и усердному содѣйствію судебнымъ чинамъ въ ихъ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.—„Ахъ, это будетъ такъ?“ сказала, просвѣтлѣвъ, Скарятинъ: „вы значить будете писать о нарушеніи не имъ, а мнѣ, а я уже буду налагать взысканія? Ну, это дѣло другое: тутъ мы всегда можемъ столкнуться: я вѣдь своимъ потачки давать не намѣренъ!“ На этомъ мы разстались. Полиція въ Казани дѣйствительно была образцовая, и въ средѣ ея былъ даже одинъ приставъ, отличавшійся выдающимися способностями по розыску слѣдовъ и доказательствъ преступленій, такъ что изъ него могъ бы выйти второй Путилинъ. Но все-таки раза два или три въ средѣ чиновъ уѣздной полиціи было допущено такое бездѣйствіе или медленность и нерадѣніе, что имѣлись налицо побудительныя основанія къ сдѣланію предостереженія или замѣчанія. Каждый разъ я писалъ объ этомъ Скарятину съ указаніемъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать предостереженіе или замѣчаніе, я сообщаю объ обнаруженномъ нарушеніи ему и почти немедленно получалъ отвѣтъ о наложеніи имъ на виновнаго такого дисциплинарнаго взысканія, которое далеко превосходило тѣ безобидныя увѣщанія, на которыя я былъ уполномоченъ закономъ.

Вообще надо замѣтить, что Скарятинъ, весьма ревниво относившійся къ своей власти и любившій наводить страхъ на своихъ подчиненныхъ, очень быстро призналъ въ существованіи независимаго отъ него судебного вѣдомства совершившійся фактъ и не только примирился съ нимъ, но и въ значительной степени ограничилъ свои самовластные привычки, стараясь, гдѣ можно, показать, что онъ не только не противникъ, но даже другъ судебного вѣдомства. Онъ часто и съ большимъ интересомъ посѣщалъ судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ, не мало смущая своимъ присутствіемъ полицейскихъ чиновъ, являвшихся свидѣтелями;—въ виду нищенски скудныхъ средствъ, отпущенныхъ на внутреннее устройство суда, онъ, собиравшійся выйти по поводу открытія этого суда въ отставку, устроилъ—*mirabile dictu*—на свой счетъ мѣста для публики въ гражданскомъ отдѣленіи суда и обилъ его полъ сукномъ, чтобы заглушать шумъ шаговъ. Всякое законное требова-

ніе прокурорскаго надзора встрѣчало съ его стороны поляйшее содѣйствіе. Этому въ значительной степени способствовало—какъ это ни покажется страннымъ—только что введенное въ Казани городовое положеніе 1874 года. По этому положенію протесты представителя административной власти въ городѣ и жалобы на опредѣленія думы поступали на разрѣшеніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника, изъ вице-губернатора или помощника градоначальника, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя уѣздной земской управы, предсѣдателя мирового съѣзда, городского головы и прокурора окружнаго суда. Введеніе лица судебнаго вѣдомства въ составъ этого присутствія было весьма мудрою мѣрой во многихъ отношеніяхъ и ставило этого представителя въ исключительное по своему значенію положеніе. Въ дѣйствительности три члена присутствія были „казенными“ людьми и обыкновенно были одного направленія; трое другихъ были людьми выборными и такъ сказать земскими—и лишь седьмой, юристъ по профессіи, по роду и свойству своей дѣятельности не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой группѣ, но по отношенію къ толкованію закона обладалъ между ними наибольшей компетенціей. А законъ, особливо въ виду новизны дѣла и спорнаго смысла нѣкоторыхъ статей городского положенія, на первыхъ порахъ почти постоянно требовалъ толкованія и разъясненія. Не связанный общностью службы и интересовъ ни съ казенными, ни съ земскими людьми, почти всегда дѣлившимися на два лагеря, прокуроръ своимъ голосомъ давалъ перевѣсъ той или другой сторонѣ и въ сущности являлся зачастую рѣшителемъ вопроса. Отсюда понятно, сколь цѣннымъ представлялся его голосъ губернатору, когда дѣло шло объ опротестованіи послѣднимъ постановленія Думы или когда, наоборотъ, ему хотѣлось, чтобъ постановленіе это осталось въ своей силѣ.

По отношенію къ Скарятину существовала еще одна особенность. По городовому положенію не ислагалось должности секретаря особаго присутствія, и эту обязанность приходилось бы поручить кому-нибудь изъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи. Но при Скарятинѣ эта канцелярія была сведена почти на нѣтъ, и я въ теченіе всего своего пребыванія въ Казани даже никогда не слышалъ о томъ, кто правитель губернаторской канцеляріи. Правителя канцеляріи—обыкновенно столь вліятельнаго, а подчасъ и зловреднаго—у энергическаго казанскаго губернатора фактически не существовало. Нетерпѣливый и рѣшительный, послѣдній все дѣлалъ самъ, начиная съ распечатыванія почты, и безвѣстные чиновники исполняли его состоявшіяся безъ всякихъ докладовъ резолюціи. Въ этомъ была его большая и рѣдкая въ то время заслуга. Поэтому открытіе засѣ-

даній новаго и пестраго по составу учрежденія застало его, такъ сказать, врасплохъ. Тогда я, живо интересуюсь новымъ дѣломъ и правильной постановкой городского самоуправленія, предложилъ принять обязанности секретаря присутствія на себя, на что всѣ съ радостной готовностью согласились. Пришлось вести журналъ засѣданій и писать всѣ постановленія, изъ которыхъ многія представлялись, въ порядкѣ обжалованія въ Сенатъ. Питая къ Сенату суевѣрный страхъ, Скарятинъ очень дорожилъ этой моею дѣятельностью и готовъ былъ на всякія уступки при разногласіяхъ по преданію суду должностныхъ лицъ и по другимъ вопросамъ, въ которыхъ администрація соприкасалась съ судомъ. Онъ боялся, что я откажусь секретарствовать, на что я ему иногда намекалъ, и онъ останется въ новомъ для него дѣлѣ, какъ въ темномъ лѣсу. Къ сожалѣнію, послѣ моего отъѣзда изъ Казани, мѣстная прокуратура не оцѣнила значенія принятой мною на себя роли, да и вообще не умѣла удержать отвоеваннаго для судебнаго вѣдомства положенія и вліянія на губернатора. Скарятинъ почувствовалъ, что тѣ, кого онъ боялся, сами плохо вѣрятъ въ свою силу, а отъ добрыхъ отношеній съ ними никакой непосредственной пользы нѣтъ. Притихшія на время замашки сатрапа и плохо скрываемое презрительное недоброжелательство къ реформамъ Александра II проснулись въ немъ и развернулись столь широко, что черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ревизіи сенатора Ковалевскаго, онъ былъ уволенъ въ отставку и не преданъ суду за возмутительныя насилія надъ правами и вѣрованіями мѣстнаго татарскаго населенія лишь вслѣдствіе излюбленной у насъ системы поддержки авторитета власти путемъ бездѣйствія закона.

Иначе велось дѣло въ петербургскомъ столичномъ городскомъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ петербургскаго градоначальника Федора Федоровича Трепова. Будучи назначенъ на эту должность въ 1866 году, онъ нашелъ петербургскую полицію въ полномъ упадкѣ. Его ближайшіе предшественники играли роль начальства, но почти не заботились о правильной организаціи полицейскаго порядка въ столицѣ и о надзорѣ за нимъ, несмотря на то, что арханческое устройство стараго городского управленія дѣлало ихъ почти полновластными хозяевами въ городѣ. Одни изъ нихъ, какъ грубоватый Галаховъ, носились по улицѣ въ сопровожденіи верхового пожарнаго солдата и, надѣвъ пожарную каску, принимали личное участіе въ тушеніи пожаровъ, внося въ него оторопь и смуту; другіе, подобно графу Шувалову, относились высокомерно къ своимъ сослуживцамъ и брезгали носить полицейскій мундиръ. При этомъ ни одинъ изъ нихъ не былъ подготовленъ къ этой своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого, петербургская полиція, въ

лицѣ многихъ изъ своихъ чиновъ, дошла до крайнихъ предѣловъ распущенности и мздоимства, на что можно найти частыя указанія въ эзоповскомъ языкѣ и карриатурахъ повременныхъ изданій, несмотря на строгость тогдашней цензуры. Для характеристики этихъ нравовъ я позволю себѣ прервать нить моихъ воспоминаній и привести факты, какъ говорится, „изъ другой оперы“.

Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ въ Петербургѣ жилъ талантливый художникъ Рудольфъ Жуковскій. Онъ изобразилъ между прочимъ рядъ петербургскихъ типовъ, снабдивъ свои рисунки остроумными подписями и издавъ ихъ подъ названіемъ—кажется—„Петербургъ подъ карандашомъ Жуковскаго“. Онъ нарисовалъ также для „Пантеона и репертуара“, журнала, издававшегося моимъ отцомъ, для разсылки подписчикамъ, въ видѣ приложенія, двѣ картины, изображавшія разѣздъ изъ Александринскаго и Большого театровъ, составляющія нынѣ большую библиографическую рѣдкость. На одной изъ нихъ было изображено, какъ городской тузить сбитенщика, замѣшкавшагося между экипажами, а на другой—городовой везъ въ саняхъ бушевавшаго пьянаго, а такъ называемый хожалый препровождалъ „на сѣзжую“ на веревочкѣ подозрительнаго субъекта въ шинели. Цензура зачеркнула нѣкоторыя фигуры, и вмѣсто одной изъ нихъ появилось изображеніе редактора „Сѣверной Пчелы“ Булгарина, ѣдущаго въ саняхъ съ какой-то дамой. Несмотря, однако, на это мой отецъ получилъ слѣдующее письмо отъ Жуковскаго, характеризующее взгляды тогдашняго главы петербургской полиціи и окружавшую его служебную среду.

М. Г. Ѳедоръ Алексѣевичъ! Призывалъ меня Оберъ... и такъ былъ недоволенъ, что чуть было не вышелъ изъ границъ приличія, онъ почти можно сказать ругалъ меня въ присутствіи гражданскаго губернатора, который повидимому для того явился, чтобы на меня поглядѣть. Нажилъ я себѣ друзей! Вотъ каково у насъ! Нельзя ничего рисовать. Это такое необычайное явленіе у насъ, что Обер... ужасается, „какъ можно (говорить онъ) чтобы на картинкѣ возили городовые пьяныхъ, развѣ это видано гдѣ-либо? Какъ можно представлять хожалыхъ, провожающихъ на веревочкѣ воришковъ? Вы въ русской службѣ и срамите русскихъ и т. д.“ Но развѣ я тому виноватъ, что почти ежедневно случается съ живыми въ здѣшнемъ мірѣ. Я привыкъ это видѣть такъ обыкновеннымъ, что безъ всякаго умысла и безъ страха за отвѣтственность нарисовалъ. Цензура дважды разсматривала оныя и окончила позволеніемъ печатать, дабы по отпечатаніи 7 экземпляровъ было представлено въ цензурный комитетъ. Я чистъ какъ Христосъ предъ Пилатомъ, а полиція хочетъ меня проглотить; я боюсь за себя, ибо я человекъ малень-

кій и вчера былъ похожъ на кролика въ крокодиловой пасти. Поперемѣнно высывались одинъ изъ-за другого неопрятные, полубритые чиновники, съ язвительною улыбкой, съ изумленіемъ смотрѣвшіе на меня. Спаси меня Господи видѣть ихъ когда-либо вторично! Если Вы можете—разувѣрьте Обер... что эта новость очень нравится публикѣ, и что въ числѣ ея и онъ тоже публика: что же ему сердиться?...

Вашъ слуга

Р. Жуковскій.

Въ противоположность своимъ предмѣстникамъ, Треповъ прошелъ въ должности варшавскаго генераль-полиціймейстера большую практическую школу и явился въ Петербургъ съ запасомъ богатаго опыта. Онъ очистилъ составъ полиціи, переименовалъ и обставилъ ея чиновъ прилично въ матеріальномъ отношеніи, а во главѣ своей канцеляріи поставилъ просвѣщеннаго юриста С. Ф. Христіановича—человѣка „судебнаго“ въ душѣ и гуманнаго по сердцу, который въ свою очередь сумѣлъ поручить отдѣльныя части управленія градоначальника лично выбраннымъ имъ дѣтелямъ, чуждымъ прежней рутины. Подвижной, энергичный, дѣятельный, во все входящій, доступный и участливый къ нуждамъ обращающихся къ нему лицъ, Треповъ вскорѣ стяжалъ себѣ между простымъ народомъ чрезвычайную популярность. Очень мало подходя подъ типъ поверхностныхъ военныхъ бюрократовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, въ то время было немало,—обязанный своимъ положеніемъ не связямъ и происхожденію, онъ умѣлъ проявлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значительную независимость характера. Эти его свойства, а также довѣріе къ нему Государя и широкія милости, ему оказанныя, дѣлали его бѣльмомъ на глазу многихъ представителей служебныхъ сферъ, гдѣ господствовала праздная официальная болтовня и топтаніе на мѣстѣ. Вообще, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, это былъ живой человѣкъ среди „повапленныхъ гробовъ“, какими являлось большинство тогдашнихъ сановныхъ администраторовъ. Для квіетизма тѣхъ изъ нихъ, кому было суждено приходиться съ нимъ съ служебное соприкосновеніе, онъ былъ въ своей кѣпучей дѣятельности своего рода явнымъ укоромъ. *Inde irae!* Его не любили, боялись и злословили, распуская на его счетъ разныя ядовитыя легенды, въ которыхъ, несомнѣнно, было больше *Dichtung* чѣмъ *Wahrheit*. Нельзя, однако не замѣтить, что и тамъ, гдѣ *Wahrheit* была безусловно противъ него, какъ, напримѣръ, въ томъ его самовластномъ беззаконіи, которое привело въ концѣ концовъ къ извѣстному процессу Засуличъ, будущій безпристрастный историкъ долженъ будетъ возстановить правильную перспективу и

поставить по меньшей мѣрѣ на одномъ ряду съ нимъ тѣхъ гораздо болѣе просвѣщенныхъ сановниковъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, что ему въ данномъ случаѣ дѣлать, и которые или уклонились отъ возраженій, умывъ себѣ заранѣе руки въ томъ, что *имѣло* совершиться, или же, какъ онъ самъ настойчиво утверждалъ, укрѣпили его въ его злополучномъ намѣреніи.

За все время моей службы въ прокуратурѣ Треповъ относился къ судебному вѣдомству съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью, настойчиво, а иногда и грозно требуя того же отъ своихъ подчиненныхъ. Я не могу припомнить какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій съ его стороны по отношенію къ судебнымъ дѣламъ. При немъ было совершенно невозможно распоряженіе одного изъ его позднѣйшихъ преемниковъ, которому вино власти до такой степени ударило въ голову, что онъ, *находя*, что домовладѣлецъ Михайловъ, приговоренный мировымъ судьей къ штрафу въ двѣсти рублей съ замѣною арестомъ на два мѣсяца, можетъ воспользоваться шестинедѣльнымъ срокомъ для подачи отзыва и апелляціи, приказалъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе въ административномъ порядкѣ, лишивъ такимъ образомъ подсудимаго принадлежавшаго ему по закону права обжалованія. Наоборотъ, въ двухъ случаяхъ, которые въ слѣдующее десятилѣтіе послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ, могли бы окончиться трагически и кровопролитно, а именно при произведенныхъ студентами безпорядкахъ во дворѣ и около Технологическаго института въ 1874 году и при нападеніи рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода на контору управленія съ ея полнымъ разгромомъ вслѣдствіе самовольнаго удержанія управляющимъ жалованья рабочимъ передъ Пасхой, ассигнованнаго распоряженіемъ правленія, Треповъ прежде всего обратился за содѣйствіемъ къ судебной власти и отдалъ себя въ полное ея распоряженіе, благодаря чему оба дѣла окончились вполне закономѣрно и мирно. Я не могу также забыть той тревоги и справедливаго осужденія, съ которыми онъ относился къ раздуванію и безконечной длительности такъ называемаго Жихаревскаго политическаго дѣла, къ которому было привлечено съ лишенною основанія поспѣшностью и неразборчивостью въ цѣляхъ и средствахъ, около тысячи человекъ, изъ которыхъ были впоследствии признаны виновными лишь 10⁰/₀. По всѣмъ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности судебного вѣдомства, Треповъ не принималъ рѣшенія, не приславъ своего помощника генерала Козлова посоветоваться со мною, и былъ всегда благодаренъ за указаніе ему пути, согласнаго съ тѣмъ, что, по его любимому выраженію, „гласить законъ“. Я имѣю

основаніе быть убѣжденнымъ, что если бы я занималъ еще должность прокурора въ іюлѣ 1877 года, Треповъ безъ труда согласился бы отказаться отъ своего, чреватаго послѣдствіями, намѣренія, приведшаго къ процессу Вѣры Засуличъ.

У меня сохранилось нѣсколько его записокъ о томъ или другомъ видѣ помощи разнымъ несчастливцамъ, записокъ, въ которыхъ одновременно сказывалось и его участіе къ человѣческому горю, и его враждебныя отношенія съ ортографіей, подававшія поводъ его хулителямъ утверждать, будто бы онъ умѣетъ дѣлать въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, *четыре* ошибки (еще=всчо). Среди ряда такихъ случаевъ мнѣ особенно памятно горячее участіе, принятое имъ въ бѣдной дѣвушкѣ, желавшей выйти замужъ за любимаго ею арестанта-студента, приговореннаго Сенатомъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Высшая судебнo-тюремная администрація, съ которою Треповъ былъ въ большихъ—и справедливыхъ съ его стороны—неладахъ, опираясь на разныя формальности, не разрѣшала этого брака въ Петербургѣ, а рекомендовала невѣстѣ ѣхать для этого въ городъ, гдѣ будетъ водворенъ ея женихъ, т. е. обрекала ее на долгій путь въ неопредѣленное заранѣе мѣсто, въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, въ тоскѣ и мукахъ неизвѣстности. Когда мнѣ удалось повліять на рѣшеніе вопроса въ противоположномъ смыслѣ, Треповъ выражалъ искреннюю радость и предложилъ достать новобрачной даровые билеты на желѣзную дорогу и пароходы.

Введеніе въ Петербургѣ городского положенія—на годъ позже, чѣмъ въ Казани—возлагало на градоначальника, въ качествѣ предсѣдателя особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, новыя обязанности въ обновленномъ дѣлѣ городского самоуправленія. Поэтому, онъ очень цѣнилъ мое участіе въ особомъ присутствіи, въ виду моего знакомства съ дѣятельностью такого учрежденія еще по Казани. Вслѣдствіе сложной и обширной работы, лежащей на прокурорѣ столичнаго окружнаго суда, о моемъ секретарствѣ въ особомъ присутствіи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Треповъ выхлопоталъ назначеніе особаго секретаря для присутствія, человѣка весьма дѣльнаго и обстоятельнаго, г. Вырвича. Но я неуклонно посѣщалъ всѣ засѣданія и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, что обусловливалось не только интересомъ къ городскому самоуправленію, но и тѣмъ, что нашъ предсѣдатель смотрѣлъ на прокурора не какъ на простаго члена присутствія, а какъ на юрисконсульта, обращаясь къ нему, немедленно послѣ доклада Вырвичемъ дѣла, съ предложеніемъ высказать свое заключеніе. Поэтому такое заключеніе приходилось подробно мотивировать, а для этого тщательно изучать и дѣла, и городское положеніе, тогда еще представлявшее много вопросовъ,

не разъясненных и не истолкованных Сенатомъ. Треповъ оказался весьма хорошимъ предсѣдателемъ,—велъ засѣданіе быстро и дѣловито, умѣло пресѣкая развитіе той болѣзни, которою страдаютъ у насъ многіе изъ членовъ коллегій и которую я называлъ бы „недержаніемъ словъ“. Онъ ясно и вразумительно ставилъ вопросы и придавалъ разсмотрѣнію дѣла необходимый, но не всюду соблюдаемый характеръ серьезности. Такъ проработали мы вмѣстѣ первые четыре года городского самоуправленія Петербурга. Вопросы, доходившіе до присутствія за это время, имѣли важное значеніе и сами по себѣ, и по способу разрѣшенія ихъ въ Думѣ, который, будучи признанъ правильнымъ со стороны присутствія, обращался въ узаконенный обычай для всѣхъ дальнѣйшихъ подобныхъ же случаевъ.

Между такими вопросами особенно вспоминаются мнѣ — выкупъ городомъ водопроводовъ и устройство второй линіи конно-железныхъ дорогъ. По первому изъ нихъ, особому присутствію приходилось рѣшить, относится ли постановленіе городской Думы о выкупѣ водопроводовъ къ такимъ, для законности которыхъ необходимы двѣ трети голосовъ не менѣе половины *всего числа* гласныхъ (ст. 67 городского положенія 1874 года). Въ городской Думѣ такое постановленіе состоялось по простому большинству *наличныхъ* гласныхъ— и оно было опротестовано градоначальникомъ. Подробно разобравъ всѣ возраженія, могущія быть сдѣланными противъ голосованія, допущеннаго Думой, я высказался за законность ея дѣйствій—и Треповъ, не настаивая на своемъ протестѣ, согласился со мною. По второму дѣлу предстояло строго разграничить постановленіе Думой рѣшеній отъ ихъ исполненія, область дѣйствій Думы отъ области дѣйствій городской управы. Дума рѣшила не назначать торговъ на устройство второй сѣти столичной конки, а избрать изъ восьми коллективныхъ конкурентовъ, въ собраніи своемъ, закрытой баллотировкой одного, которому и дать концессию. Противъ этого протестовалъ гласный В. И. Лихачевъ (будущій городской голова), указавшій, что по закону выборъ концессионера долженъ принадлежать управѣ, а не Думѣ, и что избраніе въ такомъ многочленномъ и не мотивирующемъ своихъ рѣшеній собраніи, какъ Дума, можетъ состояться подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ огласилъ три письменныхъ обязательства (промесса) отъ различныхъ конкурентовъ, коими тѣ обязывались уплатить—въ случаѣ выдачи концессіи именно имъ— „Милостивому Государю“ или просто „предъявителю обязательства“ — одинъ — триста рублей чрезъ мѣсяцъ послѣ баллотировки, — другой — четыреста на другой день, а третій — шестьсотъ рублей на третій день... Къ протесту Лихачева присоединилось еще шесть гласныхъ, въ числѣ коихъ

былъ и извѣстный общественный и государственный дѣтель А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Но Дума не вняла протесту и большинствомъ 125 голосовъ противъ 48 отдала концессию Губонину и Башмакову. На такія дѣйствія Думы одною изъ группъ конкурентовъ—Рунцлеромъ и Безобразовымъ, получившими 86 голосовъ—была принесена жалоба въ особое присутствіе, остальные же конкуренты примирились съ постигшей ихъ неудачей, очевидно въ виду малаго количества голосовъ, поданныхъ въ ихъ пользу, колебавшагося отъ 9 до 33. Получивъ концессию, данную такимъ большинствомъ, Губонинъ и Башмаковъ съ чрезвычайной энергіей приступили къ заготовкѣ и поставкѣ необходимаго для осуществленія предпріятія матеріала, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени имѣть возможность открыть движеніе по новымъ линіямъ.

Дня за два до слушанія жалобы въ особомъ присутствіи меня посѣтилъ градоначальникъ, чтобы переговорить по дѣлу второй конки и ознакомиться съ моимъ взглядомъ на дѣйствія Думы. Я сообщилъ ему, что признаю жалобу заслуживающею уваженія, такъ какъ Дума присвоила себѣ права и обязанности управы, на которой, по силѣ 72 ст. городского положенія, лежитъ приведеніе тѣмъ или другимъ способомъ, въ исполненіе рѣшеній Думы. Присвоивая себѣ исполнительныя дѣйствія и сливая въ одно постановку рѣшенія и осуществленіе его на практикѣ, Дума вышла изъ предѣловъ своей дѣятельности, точно намѣченной 55 ст. городского положенія. Масса гласныхъ, присутствующихъ въ засѣданіи Думы—едва ли можетъ, съ пользою, участвовать въ привятіи исполнительныхъ дѣйствій, требующихъ особаго навыка, опытности и спеціальнаго знакомства съ условіями предпринимаемаго дѣла. Выборъ концессионера, безъ сомнѣнія, основанъ главнымъ образомъ на томъ довѣрїи, которое онъ по своимъ знаніямъ, репутаціи, добросовѣстности и умѣнію внушаетъ избирателямъ въ виду принимаемой имъ на себя задачи. Но такая оцѣнка достоинствъ совскателя концессіи можетъ быть сдѣлана, конечно, съ большею осмотрительностью, съ меньшею поспѣшностью и при наличности подробныхъ матеріаловъ и данныхъ для сужденія—городскою управою, которая состоитъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ городскимъ хозяйствомъ, почтенныхъ довѣриемъ думы и отвѣтственныхъ за свои дѣйствія, если послѣдствіемъ ихъ будетъ ущербъ для матеріальныхъ интересовъ города. Въ избраніи концессионеровъ управою должно участвовать небольшое число лицъ, изъ которыхъ каждый можетъ и даже долженъ мотивировать свое мнѣніе, дѣйствуя съ сознаніемъ не только своей нравственной, но и юридической отвѣтственности какъ предъ своими избирателями, такъ и предъ закономъ, согласно 156, 157 и 160 ст.

чальникъ пробылъ у меня около сорока минутъ, но, когда мы вышли, передъ подъѣздомъ не только не было штабелей кирпича, но даже мѣсто, гдѣ они находились, не носило никакихъ слѣдовъ ихъ пребыванія, и на немъ свободно стояла знакомая всему столичному населенію пролетка Ѳ. Ѳ. Трепова, запряженная парой лихихъ коней въ пристяжку. Я просто диву дался...

На другой или третій день я нашель повѣстку, приглашавшую меня въ засѣданіе присутствія на слѣдующій день не въ три, какъ это было обычно, а въ девять часовъ утра. Это былъ, какъ оказалось, первый изъ стратегическихъ пріемовъ, употребленныхъ предсѣдателемъ присутствія для того, чтобы „формалистика“ не побѣдила въ засѣданіи „насущенныхъ потребностей населенія“. Дѣло въ томъ, что тогдашній городской голова, человекъ, достойный полного уваженія, пріѣзжая въ обычныя засѣданія, бываль уже утомленъ своими сложными и хлопотливыми обязанностями и, будучи слабаго здоровья, являлся крайне усталымъ и не всегда достаточно рѣчистымъ въ защитѣ постановленій Думы противъ письменныхъ протестовъ и горячей устной критики градоначальника. Но въ данномъ случаѣ желательно было, чтобы онъ умѣло и настойчиво оправдывалъ дѣйствія Думы, и онъ прибылъ въ засѣданіе свѣжій, бодрый и безъ малѣйшихъ признаковъ усталости. Градоначальникъ, приглашавшій насъ обыкновенно „быть запросто“, на этотъ разъ вышелъ къ намъ въ полной генераль-адъютантской формѣ, въ лентѣ и звѣздахъ, и на мой недоумѣвающій вопросъ громогласно объявилъ, что въ одиннадцать часовъ долженъ ѣхать съ докладомъ къ Государю Императору. Вслѣдъ затѣмъ было открыто засѣданіе, въ которомъ онъ проявилъ себя тонкимъ психологомъ. Когда я, по его предложенію, повторилъ то, что за нѣсколько дней высказывалъ ему лично, онъ обратился съ упреками къ городскому головѣ. „Вотъ видите—сказалъ онъ ему—что ваша Дума дѣлаетъ? Зачѣмъ у васъ законовъ не соблюдаютъ?! слышите, что говоритъ прокуроръ? Я съ нимъ совершенно согласенъ. Онъ говоритъ „какъ законъ гласитъ“. Только что же теперь дѣлать? Вѣдь положеніе мое очень тяжелое. Я, какъ градоначальникъ, долженъ заботиться о дешевыхъ средствахъ передвиженія для бѣднаго населенія. Губонинъ уже и рельсы готовъ класть, и парки для вагоновъ нашель подходящіе, и людей подыскалъ, и подвижной составъ заказалъ, а тутъ на—поди! Все можетъ на смарку пойти! И когда еще войдетъ въ дѣйствіе вторая линія—Богъ вѣсть... Вотъ сегодня часа черезъ два меня на докладѣ навѣрно спросятъ: „ну что, какъ у тебя конно-желѣзныя дороги? Скоро ли пойдутъ? Что я отвѣчу?! Останется сказать: „не могу знать, когда пойдутъ, потому что городской голова законъ проморгалъ!—Ну что скажете?“

Городской голова подробно развилъ соображенія Думы и окончилъ тѣмъ, что и при отмѣнѣ постановленія Думы городская управа все-таки предпочтетъ Губонина Рунцлеру и Безобразову. „Ну да, ну да“, одобрительно сказалъ Треповъ. „Только одна проволочка времени выйдетъ. Право, лучше жалобу оставить безъ послѣдствій, и черезъ мѣсяць у насъ на Литейной зазвенятъ звонки вагоновъ!— Вы какъ думаете, Александръ Александровичъ?“ Помощникъ градоначальника сказалъ, что полагаетъ оставить безъ послѣдствій. Мое мнѣніе и мнѣніе городского головы были уже извѣстны, а остальные три члена—управляющій казенной палатой, предсѣдатель губернской земской управы и предсѣдатель мирового съѣзда заявили, что согласны съ прокуроромъ. „Большинство за отмѣну!“ сказалъ, робко взглядывая на предсѣдателя, Вырвичъ. „Ахъ, господа! заговорилъ вновь послѣдній:—какъ предсѣдатель присутствія, я, конечно, согласенъ съ прокуроромъ; такъ гласитъ законъ! Но вѣдь войдите въ мое положеніе! вѣдь мнѣ, какъ градоначальнику, дороги интересы населенія“ и т. д. И онъ началъ подробно объяснять, какое подспорье этому населенію окажетъ конка, и какъ важно ее, какъ можно скорѣе, устроить. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока управляющій казенной палатой Касьяновъ, человѣкъ великаго добродушія, не заявилъ, что если положеніе его превосходительства, какъ градоначальника, обязаннаго пецись о нуждахъ города, будетъ такъ затруднительно въ случаѣ отмѣны постановленія Думы, то онъ готовъ отказаться отъ своего мнѣнія и согласенъ оставить жалобу безъ послѣдствій. „Теперь голоса поровну“, заявилъ Вырвичъ.—„Отъ вашего голоса, обратился я къ Ѳ. Ѳ. Трепову, зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.—„Но въ какое положеніе вы, господа, меня ставите! Вѣдь я готовъ быть съ прокуроромъ дорогой душой, но только подумайте, что я скажу, когда меня сегодня спросятъ: „ну что, какъ у тебя конки?“ Ну что я отвѣчу? Какъ объясню всю эту проволочку, отъ которой благодаря вамъ,—и онъ сурово посмотрѣлъ на городского голову—страдаетъ столица“.— „Ваше превосходительство! воскликнулъ предсѣдатель мирового съѣзда отставной полковникъ Веригинъ, на котораго картина предстоящихъ сегодня же утромъ объясненій Трепова при докладѣ, очевидно, стала производить гипнотизирующее дѣйствіе: „Ваше превосходительство! я отказываюсь отъ своего мнѣнія!“—„А-а-а, протянулъ Треповъ, густо покраснѣвъ отъ удовольствія,—такъ значитъ большинство во всякомъ случаѣ за оставленіе безъ послѣдствій?“—„Да, сказалъ я: кромѣ меня и члена губернской управы (Лихонина) всѣ за оставленіе безъ послѣдствій“. „Ну, позвольте закрыть засѣданіе—сказалъ онъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: